

Пучина Т.А.

Некоммерческая организация «Педагогический центр «Каникулы»

E-mail: tat1472@yandex.ru

СИСТЕМА ЧИНОПРОИЗВОДСТВА «НАЧАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ» СЛУЖИЛЫХ КАЗАКОВ В ГОРОДАХ БЕЛГОРОДСКОГО РАЗРЯДА В XVII ВЕКЕ

В статье рассмотрены исторические и социальные аспекты эволюции военной службы по «прибору» в Московском государстве в XVII веке. Затронуты малоизученные в российской историографии вопросы организационного устройства и функционирования городских военно-служилых корпораций казаков в процессе государственной политики освоения южно-русских территорий. Отмечены особенности формирования офицерского корпуса «приборной службы» в городах Белгородского полка. Особый интерес привлекли дела о пожаловании на «начальные должности» к стрельцам и полковым казакам (челобитные о назначении со сказками о службе, послужные списки претендентов на вакансии из Стрелецкого приказа), челобитные об утверждении на атаманских должностях, челобитные о «наградных делах» и другие документы, находящиеся в фондах Разрядного приказа РГАДА за период 1688–1697 гг.

Система чинопроизводства «начальных людей» русского войска учитывала особенности социальной структуры Московского государства. Устройство государственной службы «по прибору» имело традиционную для русского общества десятичную систему, которой соответствовали чины «начальных людей»: голова приказа (прибора) — сотник — пятидесятники — десятники — рядовые. Материальной основой существования русских войск долгое время оставалась поместная система. Из всего многообразия видов «приборной службы» в статье рассматривается история «казачьей службы» в городах Белгородской заградительной черты, ранее не являвшаяся самостоятельным предметом исследования. Многообразие категорий и различная подведомственность служилых казаков обусловлена социально-экономическими, геополитическими причинами, а также последствиями неоднократных попыток реорганизации войск Московского государства на протяжении XVI–XVII вв. Трудности введения новшеств в организационную структуру городских казаков обусловлены двойственным положением служилого человека — с одной стороны воина, обязанного регулярной службой, с другой — мелкого помещика-однодворца, подчиненного сельскохозяйственному циклу. Вводимые новшества были вынуждены приспосабливаться к своеобразным условиям функционирования русского войска, постепенно подготавливая почву для коренных реформ петровской эпохи.

Ключевые слова: Московское государство; государева служба по «прибору»; государева казачья служба; категории служилых казаков: полковые, сторожевые, станичные, беломестные казаки, поместные атаманы; «начальные люди» приборной службы в городах Белгородского полка: головы и сотники стрельцов и казаков, атаманы, есаулы; милитаризация службы и быта, служилая слобода

С 30-х годов XVII века самой многочисленной частью русского войска становятся служилые люди «приборной службы» со своей системой чинопроизводства (см. подробнее [1]–[4]). Собственно чинам «начальных людей» приборной службы соответствовали чины «головы» приказа и сотника («сотенного головы»). «Голова» — широко распространенный военный и гражданский чин, назначаемый на должность «у государева дела» из Московских приказов. Среди «начальных людей» городов Московского государства головы и сотники стрельцов и казаков «писались» вслед за воеводой, губным старостой, городовым приказчиком и осадным головой [5]. В войсках Московского государства «голова» долгое время был единственным офицерским чином после воевод.

Раскрытие механизма комплектования, социального состава кадрового корпуса «началь-

ных людей» уточняет имеющиеся исследования об уровне боеготовности и эффективности «приборной» казачьей службы в последней четверти XVII века, а также изменениях, происходящих в войсках «старого» строя, помогающих раскрыть смысл и логику военных реформ Петра I.

Российские историки всегда отмечали сложность и «запутанность» для изучения такой группы «приборных людей» как городовые служилые казаки (см. подробнее [2, с. 87; [6]). В приказных документах XVI–XVII веков («разборных десятнях» и «раздаточных книгах денежного жалования», сметных годовых книгах, записных книгах разных дел их фондов Разрядного приказа, материалах писцового дела, челобитных о «наградных делах» из архива Оружейной палаты, находящихся в фондах РГАДА) фиксируются службы и раздача поместного и денежного жалования казаков

разной ведомственной подчиненности: полковых и сторожевых казаков, беломестных атаманов, есаулов и рядовых казачьих станиц, казаков «белозерских помещиков» разных городов, атаманов, есаулов и рядовых станиц «ярославских», «оболенских» и «можайских» казаков. Так, в небольшом гарнизоне Моссальска по сметному списку 1629 года несли службу 30 стрельцов и полковых казаков Стрелецкого приказа, 50 атаманов, есаулов и казаков Казачьего приказа и 74 высланных на службу из Москвы Розрядным приказом атаманов, есаулов и казаков [7]. В пограничном городе «польской украины» – Ельце, по годовому сметному списку 1631 году значатся 200 полковых казаков с двумя головами и 4 сотниками Стрелецкого приказа, а также 78 беломестных казаков и 50 донских казаков с двумя атаманами во главе, относящихся к ведомству Розрядного приказа [8]. Ведомственный принцип подчиненности стрельцов и полковых казаков был закреплен Уложением Алексея Михайловича [9] в 1649 году. Пределы компетенции «начальных людей» распространялись на всю территорию казачьих слобод и на всех людей, проживающих во дворах казаков во «всех их делах и судах». В служилых слободах административное управление строилось по военному образцу, что повлияло на характер повседневной жизни «приборных» служилых людей. «Наказы» головам, даваемые из приказов при назначении на должности, являются отражением картины милитаризации жизни пограничных городов России XVII века. Кроме поручений по поддержанию боеспособности и боеготовности стрельцов и казаков, головы получали широкие полицейские, судебные и фискальные полномочия, полномочия по исполнению наказаний и другие административно-хозяйственные функции, что часто являлось «камнем преткновения» во взаимоотношениях голов и городских воевод.

Мелкие казачьи служилые корпорации в городах объединялись со стрельцами под общим командованием головы стрельцов и казаков. В мирное время и в службе казаки и стрельцы были «расписаны» в устойчивые формирования – сотни, полусотни, десятки. На должности низших «начальных людей» – пятидесятников, десятников назначения производились самими головами из числа казаков своего

«приказа». Военно-командных функций эти должности не предусматривали, а предназначались для административного управления. Даже в слободах казаки расселялись улицами по 50 дворов во главе с пятидесятниками [10]. Кроме того, в административных делах голове помогали «приставы», выполнявшие полицейские и охранные функции в казачьих и стрелецких слободах. «Приставов» велено было назначать самому голове из числа казаков и стрельцов «приказа»: «Давать приставство за службы и за бои» [11].

Многообразие чинов и наименований «начальных людей», различная подведомственность служилых казаков обусловлена социально-экономическими, геополитическими причинами, последствиями реорганизаций войск Московского государства на протяжении XVI–XVII вв. Созданная в одно время со стрелецкой службой во второй половине XVI века, казачья служба предполагала приграничную локализацию и предназначалась для постоянной «береговой службы» в полках на Туле, Пронске и других «украинных» городах» [12]. Полковые казаки изначально находились в подчинении Стрелецкого приказа, который назначал к ним «начальных людей» – голов и сотников. Особая группа сторожевых казаков появилась как результат реформ станичной и сторожевой службы в 1671–1677 гг. М.И. Воротынским. Сторожевые казаки выбирались из полковых казаков по принципу «добры, конны и с копьями и без обману своих товарищей на смену носятся» [12, л. 208–209]. Сторожевые казаки были переданы в подчинение городским воеводам и «ведались» службой и жалованием в Розрядном приказе.

После Смутного времени появляются в составе «приборной» казачьей службы новые разряды, которые в 1613–1620 гг. для удобства делопроизводства были объединены в «фиктивные», по мнению А.Л. Станиславского [13, с. 226–227], служилые корпорации: «белозерскую» корпорацию поместных атаманов разных городов, станицы «можайских», «оболенских» и «ярославских» беломестных казаков. В 1613 году был создан Казачий приказ (И.А. Колтовский, дьяк М.Сомов). К 1639 году Приказ ведал службой и жалованием 30 атаманов и 26 есаулов 19 городов [14],

а к концу существования Приказа численность начальствующего состава у станичных казаков сократилась почти вдвое: до 17 атаманов и 15 есаулов в 17 московских и заозских городах [15]. После упразднения Казачьего приказа в 1646 году беломестные и кормовые казаки 11 городов перешли в ведение в Челобитенного приказа [16, с. 282–283].

Новые формирования вольного казачества поступали на службу со своими «начальными людьми», самостоятельно определяя состав и численность своих станиц по образцу «их собратьев на Дону» [13, с. 139]. Беломестные казаки сохранили право выбора атаманов и есаулов своих станиц – «с табору», как указывали они в память прежних вольностей [17]. На проведение выборов станичные казаки получали разрешение из Разрядного приказа. Разряд окончательно утверждал решение казачьих станиц выдачей «государевой грамоты» на атаманство, уведомляя об этом городских воевод [18]. Организационно казачьи станицы делились на десятки во главе с десятниками. Численность «десятков» составляла 7–9 человек, а, например, в Рязке в 1623 году по данным «смотренного списка» вся станица «можайских» беломестных казаков Ивана Свисского состояла из есаула Максима Никонова и 9 казаков [19], станица «ярославских» казаков атамана Петрушка Федорова и есаула Якова Сукова состояла из 5 «десятков», в которых значилось 37 казаков и 5 десятников [20, л. 464–465]. В 70-е годы XVII века, станичные казаки были переведены в разряд казаков городской службы, утратили свое атаманское правление и станичную организацию и в «делах и в службе» перешли в ведение городских воевод [20].

Уже в 40-х годах XVII века часть казачьих гарнизонов в пограничных городах стала переводиться в «казаки драгунского строя» Иноземного приказа. В новых формированиях вводилась иерархия офицерских и унтер-офицерских чинов: в 1651 году по годовой смете Иноземного приказа в Туле на 447 казачьих драгун «непровских казаков, смоленских атаманов и казаков» приходился 31 «начальный человек», в том числе «2 капитана, 4 поручика, 4 прапорщика, 11 сержантов, 3 над ружьем дозорщика, 3 подпомощника, 2 барабанщика, 1 трубач» [21]. Во главе «приказа

тульских драгун казачьего строя в 1651 году значился майор Тульского драгунского строя Сава Иванович Долматов – выезджий иноземец, поступивший на службу Московского государя в 1627 году и имевший поместный оклад 800 четей и денег 58 рублей [22].

Делались попытка назначения иностранцев в «начальные люди» в старые структуры «приборной» службы. В 1692 к воронежским стрельцам и казакам в головы был назначен Белгородского полка рейтарского строя полуполковник и иноземец Юрий Шарф. Воронежский гарнизон был самый значительный по численности среди городов Белгородского полка: в 1697 году в Воронеже полковой и городской службы значилось по годовой смете 2215 стрельцов и 679 казаков [23]. Через два года службы Юрий Шарф отмечал в челобитной неудачный опыт своей работы: «велено было мне быть стрельцов и казаков головой на Воронеже для учения солдатского строя их. И в те два года они стрельцы и казаки по сей число ученье не переняли, для того что они, стрельцы и казаки, бывают беспрестанно во всяких посылки и в судах гребцы посылаются» [24, л. 45]. В 1694 году к воронежским стрельцам и казакам вновь был назначен выезджий кормовой иноземец Петр Шемане, но по жалобе стрельцов и казаков: «чтобы «от головинных налогов совсем не разорится», был отстранен от должности и воронежские полковые казаки были переданы в ведение воронежского воеводы [25].

В Московском государстве целенаправленного подбора, подготовки и расстановки кадров «начальных людей» приборной службы не существовало. «Местнические счета» при назначении голов стрельцов и казаков роли не играли – это были представители захудалых родов дети боярские и дворяне пограничных регионов. На практике сложилась система «приискания» места: кандидат на «начальственную» должность сам должен был узнавать об открывавшейся вакансии. Видимо, не обходилось при этом без «нужных связей» в московских приказах, так как в челобитных претенденты указывали достаточно точные сведения о вакансиях: «А в Ефремове у стрельцов и казаков головы нет» [25, л. 200] или: «На Усмони у стрельцов и казаков с 1681 по 1696 год

голов по годовым сметным росписям не написано» [25, л. 79].

В фондах Разрядного приказа РГАДА сохранились дела о чиновничестве «начальных людей» приборной службы в XVII веке. Особый интерес представляют подборки дел о назначении «голов стрельцов и казаков» городов Белгородского разряда за период 1688–1697 гг. Для рассмотрения были использованы дела о замещении вакансий 50 претендентов [26]. Так как документов, фиксирующих требования к «начальным людям» казачьей и стрелецкой службы не установлено, то путем анализа полученных данных можно прийти к заключению, какие качества и компетенции предъявлялись правительством к «начальствующим людям» в XVII веке.

Назначаемый из московских приказов голова рассматривался как личный представитель «государя» и согласно Уложения должен был иметь «нравственный авторитет для охранения государевой чести» и «ратной службы» [27, с. 8]. Еще XVI веке для этих целей был введен имущественный ценз, так как считалось, что назначение голов из дворян и детей боярских «указных» статей обеспечивало личную готовность к службе и «превосходство» над подчиненными, также служивших с «поместного жалования», но меньшего размера – 50–20 четей. Введение ценза было и значительной мерой правительства от злоупотребления и коррупции должностных лиц, потому что «престижность» любой должности «у государева дела» поддерживалась уровнем ее «доходности» и административными возможностями. В конце XVI века при назначении на «головские» должности имущественный ценз соответствовал поместному окладу не менее 400–500 четей у головы, а у «товарищей» (сотников) не ниже 100 четей. Тогда же в документах особо указывалось, чтобы «начальные люди» «были б конны и собою молоды и резвы и просужи» [28, с. 52].

Во второй половине XVII века обязательным условием для кандидатов на должности становится не величина поместного оклада, а «запись» по службе в городах Белгородского разряда и наличие поместной или вотчинной земли в данном пограничном регионе. В документах, представляемых для назначения

на должности, размер поместного оклада не всегда упоминается: из 50 рассмотренных челобитий на должности голов стрельцов и казаков имущественное положение указано у 7 человек (поместья и вотчины в размере от 80 четей до 250 четей, что существенно ниже ранее установленного имущественного ценза) [29]. Более того, при разборе документов претендентов на «головские должности» видно, что для дворян и детей боярских получение назначения – единственная возможность исправить свое материальное положение. Чаще всего претенденты просят пожаловать «головство» за «многие службы и раны». Есть и откровенные жалобы на «скудность великую» или же «на нужду и одиночество». Леонтий Никитич Полозов просит пожаловать его в головы стрельцов и казаков Ельца в 1697 году, указывая, что «военные многие годы служил службы всякие и в походах был и у стругового дела и до того обнищал, да и в годах многих» [30]. Чугуевский жилец Гаврила Гаврилович Малышев просил «пожаловать его в головство на Чугуев в 1678 году, уточняя, что «в службе нигде не служил и кроме головства жить нечем» [31, 450–450 об.]. Ливенец Микита Ботеев в челобитной о пожаловании головства в Ливны в 1692 году писал о своем материальном положении: «Поместье – разоренное и выжженое место в приход Крымского хана в 1679 году в Заруцком стане деревни Бахтеарово 33 сажени» [32, с. 108].

Кроме поместного оклада, при назначении на «головские» должности важным аргументом было наличие опыта военной службы, так как в «государевых наказах» головам содержалось требование – в «воинских посылках и службах» быть во главе своего приказа и для этого проводить их военное обучение: «чтобы стрельцы и казаки стрелять были горазды и на учение зелья не жалеть» [33, л. 31]. В челобитных каждого из претендентов содержится подробная «сказка» о службе, которая подтверждалась «послужным списком», выписанным дьяками из документов Разрядного приказа. Из рассмотренных послужных списков видно, что опыт полковой армейской службы имели 21 человек, опыт городской (гарнизонной) или сторожевой службы 25 человек. Из них 23 человека имели стаж службы в полках свыше 20 лет;

3 человека — свыше 30 лет; 1 человек — больше 40 лет, у других стаж не указан. При этом челобитчики отмечают, что на «службе были от «приезде до отъезда» (то есть, в «нетчиках» и «беглецах» от службы не значились), но опыта государственной службы ранее не имели: «а у твоего государева дела и на головстве нигде не бывали». Только немногие отмечают, что «у государева дела были» — два человека имели назначения в подьячие приказных изб в разных городах. Валуйской приказной избы подьячий Дементий Ездин служил без жалования много лет и был за то назначен в 1692 году у валуйских стрельцов и казаков в головы «за нуждой и одиночеством» [34, с. 310]. Бывший стрелецкий и казачий голова г. Валуйки в 1659 году Зосим Омелянович Маслов, имевший 37 лет стажа службы в полках, в 1675 году из полковой службы за раны и за старость «написан» в городовую службу», но просил повторно пожаловать его в головы стрельцов и казаков в Чугуев в 1676 году [35, л. 26].

Среди претендентов встречаются как офицеры полков нового строя — два солдатского строя капитана, солдатского строя поручик, рейтарского строя прапорщик городской службы, так и служилые старорусских войск: капитан Московских стрельцов (из высланных на жительство в Курск московских стрельцов), и один претендент служил головой сотенной службы в Галиче. Остальные несли рядовую сотенную, солдатскую и рейтарскую службу в полках и были участниками Чигиринских походов 1674 и 1676 гг., Крымских походов 1687 и 1689 гг., Азовских походах 1695 и 1696 гг. с воеводами Б.П. Шереметьевым, А.С. Шеиным, Ю.А. Долгоруковым, Н.В. Голицыным, П.И. Гордоном, Г.Г. Ромодановским, а также «бывали» в Малороссийских городах и в «понизовой» городской службе. Пять человек отметили, что «делали» «городовое», «струговое», «валовое» дело с воеводами Н.И. Одоевским, Г.Г. Ромодановским [35, л. 25].

Число претендентов на вакантные должности голов стрельцов и казаков крупных городов по «Белгородской черте» составляло до 6–8 человек на место; в новые города «за чертой» было мало охотников в службу, о чем свидетельствуют отметки разрядных дьяков: «Других челобитий на место не по-

дано». Механизм принятия окончательного решения о назначении трудно восстановить. Большинство исследователей приказного делопроизводства отмечают, что главную роль о назначении на должность играли приказные дьяки [36]. С.В. Волков полагал, что решения о назначении «принимались коллегиально дьяками приказа и в основном зависели от их благоусмотрения» [4, с. 25].

В документах о назначении головы стрельцов и казаков г. Урыва сохранилось дело об проступке дьяков Стрелецкого приказа при формировании дела о назначении стрелецкого и казачьего головы: в бумагах приказа не оказалось челобитной жильца Ивана Алексеевича Маслова о пожаловании в «головство» к урывским стрельцам и казакам в 1696 году, однако запись о подаче челобитья была внесена в воеводскую тетрадь «старым» подьячим Аристархом Кузьминым. Он же поручил сделать выписи из Розряда о «послужном списке» И.А. Маслова подьячему Василию Баженову. Другой подьячий Иван Худяков, обнаружив отсутствие челобитья, инициировал внутреннее разбирательство, в результате которого Василий Баженов не дал «должного оправдания» и был наказан — «бит батоги» [38, с. 303]. Установить, был ли корыстный умысел в действиях подьячего, или это небрежность в работе, не удалось.

Формально срок службы в «головах» был фиксированным: предполагалось, что служба продолжается ровно 1 год с момента назначения, но по разным причинам служба бывала продлена «до государева указа», например, вновь назначенный голова не прибыл на службу, или не было подано новых челобитий на данное место и т. д. По окончании срока, служивым людям предписывалось вернуться к прежней службе. Полученный опыт «государевой» службы не гарантировал повторного назначения в головы стрельцов и казаков в другой город или на другую более высокую должность. Служба как карьера не имела смысла, но оставалась материальной заинтересованностью в должности, так как существовал «головской налог» на содержание головы и его семьи и, кроме того, возможность активного использования административных ресурсов временной

должности, о чем свидетельствуют многочисленные жалобы стрельцов и казаков на «налоги», «поминки» и «личную корысть» голов и сотников. Кроме того, была реальная возможность получения «придач» поместного и денежного окладов, царских подарков за военные заслуги в период нахождения в должности. Так, разрядный послужной список Василия Андреевича Хомутова, головы усердских стрельцов и казаков в 1649 году, свидетельствовал: «Итого за службу в головах Василий Хомутов был на 4 боях и убил 7 мужиков да лошадь под ним убили». Государь пожаловал награду – «поместного окладу 450 четвертей и 9 рублей денежного окладу» [39, л. 42]. Изосим Маслов, голова стрельцов и казаков на Валуйках в 1660 году был послан со своими людьми для «поиму воинских людей и литовских ратных людей побил и полон отбил» за что учинена придача поместного и денежного жалования [40, л. 26].

В существовавшую «лестницу» аристократических чинов «начальствующие должности» приборной службы не были включены и рассматривались как «пожалования» государя за личные заслуги, раны, полонное терпение или же заслуги кровных родственников, особенно погибших, раненных или плененных на военной службе. Формальным основанием для назначения на должности «начальствующих людей» приборной службы на протяжении XVII века было наличие у кандидата поместного оклада и наличие срока службы по государевым «нарядам». Попытки реорганизации службы и управления войсками были вынуждены приспособляться к своеобразным условиям функционирования русского поместного войска, постепенно готовя почву для коренных реформ последующей эпохи. Только введенная Петром I система чиновничества открыла новые возможности карьерного и социального роста в гражданской и военной сфере представителям разных слоев общества.

25.01.2015

Список литературы:

1. Марголин С. Л. К вопросу об организации и социальном составе Стрелецкого войска [Текст] / С.Л. Марголин; Ученые записки МОПИ. Т. XXVII. Вып. 2. М., 1953. С. 63-64.
2. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV- XVII вв. (с образования централизованного государства до реформ Петра I) [Текст] – М., 1954.
3. Рабинович М.Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. [Текст] / «Исторические записки». Т. 58. М., 1956. С. 273-305;
4. Волков С.В. Русский офицерский корпус [Текст]. М., Воениздат. 1993.
5. «Годовая сметная книга городов, ведавшихся Белгородским столом (скрепа О.С.Нормацкого) 1684 года). РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Д. 130. ЛЛ. 1-1802об.
6. Платонов С. «К истории городов и путей на южной окраине Московского государства в XVI веке» [Текст] / ЖМНП. Март 1898. С. 22.
7. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 49. ЛЛ.64, 17.
8. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 49. ЛЛ.1-134; Д. 327.ЛЛ.36-37.
9. «Уложение Алексея Михайловича». Глава XXIII «О стрельцах» [Текст] / Полное собрание законов Российской Империи. Т. 1. Спб., 1830. С. 156.
10. Стрельная книга Коротояка.// Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Выпуск XVI. Собр. Вейнбергом Л.Б. Воронеж: Типо-Литография губернского правления, 1890. С.1880.
11. «Наказ С.М. Протасову при назначении в головы стрельцов и казаков Царева Алексея от 23 марта 156 (1648 года)». РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 325.Л. 463.
12. РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола, Д. 1.Л. 208.
13. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории [Текст]. М.: «Мысль». 1990. С. 226-227.
14. Общее количество станичных казаков Казачьего приказа в 1639 году составляло 1528 человек. РГАДА. Ф. 210 Разрядный приказ. ОП. 9 Столбцы Московского стола. Д. 49. ЛЛ. 169-173.
15. Общее количество станичных казаков Казачьего приказа в 1643 году 1384 человека. РГАДА. Ф. 210 Разрядный приказ, ОП. 9 Столбцы Московского стола. Д. 190, ЛЛ. 452-455.
16. Оглоблин Н.Н. К истории Челобитенного приказа (1642-1644)[Текст]. / ЖМНП. Июнь 1892 года. Спб., 1892. С.282-283.
17. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 84. Л.12.
18. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 111. ЛЛ.166-168, Л.239; Д. 84, ЛЛ.6, 12, 13, 95, 108.
19. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола, Д. 10. Л. 463.
20. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола, Д. 130 (1684-1685/193 год), ЛЛ. 1-1802об. «Годовая сметная книга городов, ведавшихся Белгородским столом (скрепа О.С.Нормацкого 1684 года).
21. РГАДА, Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 327. Л. 54.
22. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского полка. Д. 267. ЛЛ.11-13, 14, 30-31.
- 23.РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1694. Л. 245.
- 24.РГАДА. Ф. 210 Столбцы Белгородского стола. Д.1366. Л. 45.
25. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1694. Л. 247.
26. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола Д. 205. ЛЛ. 25-45, 450, 451-457, Л. 458, ЛЛ.459, 460-466; Д.1505, ЛЛ. 73-74, 78-89, 90-91, 225; Д.1694, Л. 220; Д.1366, ЛЛ. 29-48, 56-61,98-99, 100-115, 116-130, 151-158; Д. 1694, ЛЛ.77-81, 110-127, 144-146, 159, 169-171, 180-199, 200- 224, 233-236, 240-252, 274-276 296-304, 366-368, 369-373).

27. « Уложение Алексея Михайловича» . Глава II «О государевой чести» [Текст]. / ПСЗ РИ. Т. 1.СПб., 1830. С.3-4; Глава XII «О службе всяких ратных людей Московского государства» [Текст]. С. 8 .
28. Акты Московского государства, изданные императорской Академией наук под ред. Н.А. Попова [Текст] . Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. Спб., 1890. С. 52.
29. РГАДА. Ф. 210 Столбцы Белгородского стола. Д. 1525. ЛЛ. 100-115, 277-281; Д.205. ЛЛ. 24-34, 451-457.
30. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1694. Л. 237-239.
31. РГАДА. Ф. 210 . Столбцы Белгородского стола. Д. 205. ЛЛ. 450-450об.
32. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1366. Л.108.
33. “Наказ Е.Ф. Петрову курскому стрелецкому и казачьему голове в 1701 году”. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 783 . Л. 31.
34. РГАДА .Ф. 210 . Столбцы Белгородского стола. Д. 1366. Л. 310.
35. РГАДА.Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 205. Л.25-26.
36. Лихачев Н.П. Разрядные дьяки в ХУ1 веке. Опыт исторического исследования [Текст]. Спб., 1888.
37. Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в ХVII веке . Очерк из истории военного дела в России[Текст] . - Спб., 1899.
38. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1694. Л. 303.
39. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 267. Л. 42.
40. РГАДА. Ф. 210 Столбцы Белгородского стола. Д. 205. Л. 26.

Сведения об авторе:

Пучина Татьяна Анатольевна, заместитель директора по научно-методической работе некоммерческой организации «Педагогический центр Каникулы», кандидат исторических наук

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, 14, тел. (495) 6762033, e-mail: tat1472@yandex.ru.